

РАССКАЗ ХОРХЕ ЛУИСА БОРХЕСА «ТЛЁН, УКБАР, ORBIS TERTIUS» КАК МЕТОДИЧКА ПО ПЕРЕЗАГРУЗКЕ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Арзаматов А.Г.

Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С.П. Королёва, кафедра отечественной истории и историографии,
старший преподаватель

Х.Л. Борхес – легендарная и противоречивая фигура латиноамериканской литературы XX в., основоположник магического реализма и великий мистификатор. Рассказ «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» был написан в годы Второй мировой войны и повествует о том, как сообщество реально существующих и выдуманных Борхесом представителей творческой интеллектуальной элиты поставило цель изменить представления человечества о реальном мире, истории цивилизации и создать совершенно новую систему, а точнее антисистему этических, эстетических норм мышления, поставить с ног на голову философию, религию, логику, математику... Побудительным мотивом к его написанию стали, вероятнее всего, метаморфозы, произошедшие после прихода к власти в Германии НСДАП, которая сумела за 2-3 года полностью перезагрузить сознание немецкой нации. В рассказе показан процесс постепенной замены мира реального на мир вымышленный. Аргентинец создал «методическое пособие» по изменению коллективного сознания. Пластичность человеческого сознания, легкая внушаемость, подверженность человека менять свои взгляды, идеи, принципы и убеждения – вот то, что вызывало у Х.Л. Борхеса особые опасения за будущее цивилизации. По нашему мнению, это и есть основная тема рассказа «Тлён, Укбар, Orbis Tertius».

Ключевые слова: Борхес, мистификация, тайное общество, Тлён, философия, хрёнеры, энциклопедия.

Х.Л. Борхес – одна из самых легендарных и противоречивых фигур латиноамериканской литературы XX в., основоположник магического реализма. Рассказ «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» повествует о том, как сообщество реально существующих и выдуманных Борхесом представителей творческой интеллектуальной элиты поставило цель изменить представления человечества о реальном мире, истории цивилизации и создать совершенно новую систему, а точнее антисистему этических, эстетических норм мышления, поставить с ног на голову философию, религию, логику, математику... Рассказ был написан в годы Второй мировой войны. Побудительным мотивом к его написанию стали, вероятнее всего, те метаморфозы, которые произошли после прихода к власти в Германии НСДАП, которая сумела за 2-3 года полностью перезагрузить сознание немецкой нации. В рассказе показан процесс постепенной замены мира реального на мир вымышленный.

Сам по себе рассказ «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» является интересной мистификацией. Среди его персонажей мы встречаем как реально живших, так и вымышленных людей.

Рассказ написан от первого лица и начинается с повествования о беседе автора со своим другом Биой Касаресом, аргентинским писателем, автором детективов, в которых реальность сочетается с фантастикой. С момента знакомства в 1932 г. на вилле аргентинской писательницы Виктории Окампо Борхеса и Касареса связывала искренняя многолетняя дружба. В ходе беседы Бией Касарес, глядя на зеркало, приводит цитату некоего ересиарха из страны Укбар: «Зеркала и совокупление отвратительны, ибо умножают количество людей», ссылаясь при этом на статью в Англо-американской энциклопедии, которая является не чем иным, как перепечаткой «Encyclopaedia Britannica». Однако в находящемся в доме экземпляре «Encyclopaedia Britannica» никакой статьи об Укбаре они не нашли.

Но через несколько дней Бией Касарес приносит автору другой экземпляр XXVI тома энциклопедии, где на четырех дополнительных листах находилась статья об Укбаре. Статья отличалась неопределенностью, так, из 14 упомянутых географических ориентиров реально известны были только 3: Хорасан, Армения, Эрзерум. Из исторических персонажей реальным был маг-обманщик Смердис, который в 533 г. до н.э. захватил власть в Персии и правил там 7 месяцев, о чем упоминает Геродот в своей «Истории» [5, с. 195-202]. Портрет правителя Ахеменидов, свергнутого Дарием, известен из Бехистунской надписи. Правда не ясно, был ли он законным Смердисом, либо, как утверждал Дарий, самозванцем по имени Гаумата.

Аналогичная картина была с библиографией, где из перечисленных 4 книг не было найдено ни одной, хотя одна значилась в каталогах книжной лавки Бернарда Куорича: автор Сайлэс Хэйзлем «История страны, именуемой Укбар», издание 1874 г. И здесь вновь мы сталкиваемся с мистификацией Х.Л. Борхеса. Бернард Куорич действительно жил в XIX в. и был книготорговцем, магазин которого в Лондоне существует по сей день. А что касается книги, упомянутой в рассказе, то в реальной жизни ни автора, ни такой книги не существовало. Про автора другой книги «Приятные и достойные прочтения сведения о стране Укбар в Малой Азии» некоего Иоганна Валентина Андреэ Борхес пишет, что встретил это имя у Томаса де Куинси в XIII томе его сочинений. Надо отметить, что и тот, и другой – реальные писатели: Андреэ – немецкий теолог, математик, алхимик, автор более сотни работ на латинском и немецком языках, из которых самой известной является «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в году 1459», одна из трёх канонических работ розенкрейцерства, а Куинси – английский эссеист, автор исторических, философских и экономических трактатов и скандальной «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум». При этом Андреэ не являлся автором приписываемого ему в рассказе труда и не известно, действительно ли это имя когда-либо упоминал де Куинси.

В конце первой главы рассказа Борхес упоминает другого своего близкого друга, аргентинского писателя Карлоса Мастронарди, который, зайдя в книжную лавку Корриентеса и Талькуано и взяв в руки XXVI том

энциклопедии, не нашел там статьи об Укбаре. И этот пассаж придает еще большую достоверность мистификации Борхеса.

Если Карлос Мастронарди – реально живший в 1900-1976 гг. автор научно-популярной книги «Валери о бесконечности метрополитена», получивший за нее муниципальную премию Буэнос-Айреса по литературе, то инженер Герберт Эш, с описания которого начинается вторая глава рассказа «Тлён, Укбар, Orbis Tertius», – вымышленный друг отца автора. Он якобы получил по почте за несколько дней до своей смерти книгу «Первая энциклопедия Тлёна. Том XI. Хлаер-Джангр», в которой был обширный материал об этой неведомой, вымышленной стране. В этом томе была ссылка на другие тома. В Постскриптуме рассказа выяснится, что Герберт Эш был одним из демиургов Тлёна, членом тайного общества и что посылка ему не была случайной.

Автор упоминает спор реальных исторических персонажей: известного аргентинского поэта и переводчика произведений Борхеса на французский язык Нестора Ибарру, аргентинского писателя Эсекиеля Мартинеса Эстраду и французского журналиста Пьера Дриё ла Рошеля о возможном существовании других томов «Первой энциклопедии Тлёна». Нестор Ибарра отрицал их наличие, а Эсекиель Мартинес Эстрада опровергал его сомнения и доказывал обратное. Что касается страстного поклонника итальянского фашизма, интеллектуала-маргинала Пьера Дриё ла Рошель, то тот, находясь на другом континенте, доказывал наличие не только XI, но и других томов «Первой Энциклопедии Тлёна» на страницах журнала «Нувель Ревью Франсез».

Далее Борхес вводит в повествование фигуру мексиканского интеллектуала, дипломата, писателя, переводчика Гомера, Честертона, Чехова на испанский, журналиста Альфонсо Рейеса, который предлагает совместными усилиями воссоздать недостающие тома этой энциклопедии. И это предложение приводит автора к мысли выяснить, кто же были создатели Тлёна – этого «дивного нового мира».

Очевидно, что Борхес обыгрывает название Тлёна со знаменитым сатирическим романом-антиутопией Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», опубликованным в 1932 г. Автор приходит к выводу, что Тлён – «создание тайного общества астрономов, биологов, инженеров, метафизиков, поэтов, химиков, алгебраистов, моралистов, художников, геометров...руководимых неизвестным гением». План их был обширен, но доля участия каждого крайне мала. XI том энциклопедии Тлёна имел четкую упорядоченность изложения, что должно было доказывать наличие и других томов.

После обнаружения этого тома популярные журналы начинают печатать статьи о зоологии и топографии Тлёна, делая их общим достоянием. Так появляются представления о кровавых башнях и прозрачных тиграх. От зоологии и топографии переходят к изложению концепции мира в Тлёне. При этом ключевым элементом рассказа становятся теории епископа Беркли, основоположника субъективного идеализма, отрицавшего существование

материальной субстанции и утверждавшего, что привычные объекты являются идеями, воспринимаемыми разумом, и не могут существовать без восприятия.

Народы Тлёна – от природы идеалисты. Их язык, религия, литература, метафизика предполагают исходный идеализм. Мир для них не собрание предметов в пространстве, а пестрый ряд отдельных поступков. Для него характерна временная, но не пространственная последовательность. В языках южного полушария нет существительных, первичной клеткой является безличный глагол. В языках северного полушария такой клеткой является односложное прилагательное. Существительные образуются путем накопления прилагательных. Пример: «воздушно-светлое на темно-круглом» (луна), «нежно-оранжевое» (небо) [1, с. 54].

Рассказывая о языках Тлёна, Борхес вводит в повествование двух реально существовавших людей: Ксула Солара и Алексиуса Мейнонга. И это не случайно – их появление на страницах рассказа придает ему определенную достоверность.

Ксул Солар, аргентинский писатель, художник и скульптор, был другом Борхеса, и, помимо прочего, он изобрел два воображаемых языка: «нео криолло» и «Pan Lingua». В рассказе «Тлён, Укбар, Orbis Tertius» Ксул Солар выступает как блестящий переводчик с одного из языков Южного полушария Тлёна.

Австриец Алексиус Мейнонг, будучи философом и психологом, разработал собственную онтологию – «теорию предметов», собственную теорию ценности и теорию разума. Он раскрыл понятие объектов, существующих лишь в воображении, возникающих и исчезающих в один миг по требованию поэтического замысла. Именно на его теории ссылается Борхес при описании языков Северного полушария.

Классическая культура Тлёна состоит лишь из психологии. Науки и даже рассуждения там невозможны, но при этом существует их бесчисленное количество. Философы Тлёна стремятся не к истине и не к правдоподобию, они ищут поражающего: «Там создана пропасть систем, самых невероятных, но с изящным построением или сенсационным характером» [1, с. 55].

Рассуждая о философских системах Тлёна, Борхес упоминает во-первых, элеатские апории (Зенон, отрицающий возможность движения из-за неразделимости времени), сравнивая их со скандальной славой тлёнского материализма, во-вторых, Бенедикта Спинозу, приписывающего «своему беспредельному божеству атрибуты протяженности и мышления» (его бы никто в Тлёне не понял из-за противопоставления первого и второго, так как они не допускают, что нечто пространственное может длиться во времени), в-третьих, Бертрانا Рассела, который «предполагает, что планета создана всего лишь несколько минут назад и населена жителями, которые лишь „вспоминают“ иллюзорное прошлое» (одна из философских школ Тлёна пришла к отрицанию времени: настоящее неопределенно, будущее – реально лишь как мысль о настоящем), в-четвертых, Артура Шопенгауэра, якобы

утверждающего в трактате «Афоризмы и максимы», что существует всего один субъект, и что этот субъект включает в себя все живые существа во вселенной (в Тлэне один из блестящих ортодоксальных мыслителей сформулировал предположение, что существует один-единственный субъект, что неделимый этот субъект есть каждое из существ вселенной и что все они суть органы или маски божества).

Интересно, что точно такую же концепцию излагает Виктор Пелевин в своем романе-антиутопии «Transhumanism inc.»: «Гольденштерн рассказывал себе запутанные страшные истории, от которых перехватывало дух. И все, кого он встречал, тоже были Гольденштерном, просто носили другие личины. Просыпаясь, Гольденштерн постигал что был ими всеми...одновременно был забывшимся в вечности Шарабан-Мухлюевым, баночным вождем сердоболов, шейхом Ахмадом и его шахидками, генералом Судоплатоновым, генералом Шкуро (и просто так, и в шкуре кота Феликса), своим собственным зеркальным секретарем и так далее. Он был каждым из них и никем» [7, с. 599-601].

В обнаруженном XI томе энциклопедии также описывались предметы из Тлэна, найденные археологами, так называемые хрёнеры: золотая маска, древний меч, глиняные амфоры и зеленоватый торс царя с нерасшифрованной надписью на груди. Методическая разработка хрёнеров позволила изменять прошлое, которое стало не менее пластичным, чем будущее.

В Постскрипуме рассказа, который Борхес специально датирует 1947 г., разъясняются загадки 1-й и 2-й частей рассказа.

Якобы в 1941 г. в книге Чарльза Ховарда Хинтона, реального человека, британского математика и мистика, автора фэнтезийных произведений, увлекающегося вопросами других измерений и параллельных миров, было обнаружено письмо некоего Гуннара Эрфьорда (вымышленное лицо), в котором разъяснялась тайна Тлэна.

Еще в 1-й пол. XVII в. было основано тайное общество, членами которого были шотландский интеллектуал, создатель языка для глухонемых Джордж Дальгарно и епископ Джордж Беркли, с целью создать вымышленную страну Укбар. Через несколько лет члены общества поняли, что для их замысла не хватит одного поколения, и решили, что каждый из них должен выбрать себе ученика для продолжения дела. И вот в 1824 г. среди посвященных в эту затею появляется американский миллионер-аскет, вольнодумец, фаталист Эзрой Бакли, предложивший членам тайного общества вместо истории страны Укбар выдумать целую планету и составить методическую энциклопедию Тлэна. Эзрой Бакли – вымышленное лицо, однако его имя позволяет некоторым исследователям творчества Борхеса считать, что его прототипом был американец Эзра Паунд, один из основоположников англоязычной модернистской литературы, переводчик, поэт, литературный критик, страстный обожатель Муссолини и 12-кратный номинант на Нобелевскую премию, так ее и не получивший.

Следующим актом в создании вымышленной планеты стало появление в 1914 г. тайного издания 40-томной Первой Энциклопедии Тлёна, которая мыслилась как основа для написания теперь уже на одном из языков Тлёна 100-томной Второй Энциклопедии *Orbis Tertius*.

А следующим шагом в создании иллюзорного мира стали найденные артефакты: компас с буквами одного из алфавитов Тлёна, обнаруженный случайно среди своих вещей княгиней де Фосиньи Люсенж (Борхес действительно с ней был дружен), несколько монет и маленькие тяжелые конусы диаметром с игральную кость, являющиеся символом божества в некоторых религиях Тлёна, которые нашли в кармане мертвеца автор с Энрике Аморимом. Энрике Аморим – реальный человек – уругвайский писатель-коммунист, друживший со многими литераторами и художниками: Хорхе Луисом Борхесом, Фредерико Гарсия Лоркой, Жоржи Амаду, Николасом Гильеном, Пабло Пикассо.

Затем, в 1942 г. в Мемфисской библиотеке «случайно» были найдены все 40 томов Первой Энциклопедии Тлёна. Вокруг находки мировая печать подняла невероятный шум, и Земной шар наводнили учебники, антологии, краткие изложения, точные переводы, авторизованные и пиратские перепечатки Величайшего Произведения Людей. В школах и университетах начали изучать «первоначальный язык», историю, географию, математику, философию...Тлёна. Фиктивное прошлое вытесняет из памяти людей реальную историю, впрочем, и о ней с уверенностью никто ничего не знает, даже то, лжива ли она. Изменения произошли в нумизматике, фармакологии, археологии, на очереди стоят биология и математика. И лет через 100 кто-нибудь, опять-таки «случайно», обнаружит 100 томов Второй Энциклопедии Тлёна. И тогда Мир станет Тлёном.

Но автора это уже не волнует, т.к., укрывшись в отеле в Андрогее он занимается переводом стихотворения Томаса Брауна «Погребальная урна» в стиле Кеведо. И эта фраза вновь придает рассказу правдоподобие, ибо Томас Браун был автором оккультно-религиозных и естественнонаучных литературных «опытов», а Франсиско де Кведа – писатель и поэт «золотого века» барокко, чьи произведения принадлежат к общепризнанным вершинам испанской литературы. Что еще, кроме этого, могло отвлечь автора рассказа от наблюдения, как реальный Мир превращается в Тлён? Только уход в чистое искусство!

Таким образом, аргентинец создал «методическое пособие» по изменению коллективного сознания.

Примерно 50 лет назад начался процесс такой «перезагрузки» коллективного сознания в нашей стране. Его предпосылки можно обнаружить в 20-х гг. XX в. Известный народоволец, отсидевший четверть века в Петропавловской крепости, Николай Александрович Морозов с разрешения не кого-нибудь, а кровавого палача русского народа Феликса Дзержинского начал публиковать свое произведение «Христос»[6], в котором предложил свою, отличную от скалигеровской общепринятой, хронологию:

до I века н. э. никакой истории вообще не было, в I в. закончился каменный век и были изобретены колесо и топор, во II в. появились бронзовые орудия труда, в III в. стали использовать железо и возникла «латино-эллинско-сирийско-египетская империя», в IV в. жил Василий Великий архиепископ Кесарийский, он же Иисус Христос, а Апокалипсис тогда же написал якобы Иоанн Златоуст, он же Иоанн Богослов. Все знания о древнем мире Н. Морозов объявлял сказкой, появление библейской литературы относил к V в., «Начала» Евклида и «Альмагесту» Птолемея к XIV, в крайнем случае к XII в. н.э. [2, с. 171-172].

В 70-е гг. XX в. идеи Н. Морозова по глобальному пересмотру скалигеровской хронологии стал пропагандировать на механико-математическом факультете МГУ доктор физико-математических наук Михаил Михайлович Постников. Его дело в начале 80-х гг. продолжил академик, математик Анатолий Тимофеевич Фоменко, который совместно с другим математиком Глебом Владимировичем Носовским создали свой вариант «Новой хронологии», которая радикально пересматривала всемирную историю: все исторические события, отнесённые к периоду до IX в., а также значительная часть событий IX-XV вв. объявлялись дубликатами событий XI-XVII вв.

А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский в 90-е гг. превращают свою теорию в коммерческий проект, подобно тому, как миллионер Эзрой Бакли, вымышленный Борхесом персонаж рассказа «Тлён, Укбар, Orbis Tertius», берется за дело и вместо истории вымышленной страны Укбар начинает создавать историю вымышленной планеты Тлён. В рамках проекта «Новая хронология» было выпущено более 100 книг общим тиражом почти 1 миллион экземпляров.

А дальше, как и в рассказе Борхеса, появляются артефакты, якобы подтверждающие «новую хронологию». О них на просторах интернета нам вещает в своих лекциях историк-философ-археолог Андрей Михайлович Буровский, развивающий псевдонаучные идеи об «ариях» («арийцах»), создавших основы мировой цивилизации, ближайшими культурными наследниками которых являются русские. Прародину «ариев» он связывает с территорией России, с легендарной Гипербореей. Древнейшие славяно-русские государства якобы охватывали масштабные территории Евразии, а иногда выходили далеко за её пределы [4, с. 51-52].

А вот украинские неоязычники связывают прародину «ариев» с территорией Украины, в частности с трипольской культурой. В некоторых версиях славяне-русы изображаются первонародом, создавшим культуру, письменность и цивилизацию для всего человечества, носителями древнейшей религии. Отсутствие подтверждений этому в исторической науке объясняется конспирологическими теориями: утверждается, что с периода античности Запад стремился скрыть значимость славянской цивилизации и «прятал» славян под различными названиями: шумеры, хетты, этруски, египтяне...

Писатель Александр Александрович Бушков начал с того, что отождествил Русь и Орду (все это Великая Тартария), русских князей и ордынских ханов. Чингисхан был одним из тюркских ханов и не имеет никакого отношения к Монголии и монголам. Восточные походы «татаро-монгол» выдуманы. Батый – своего рода псевдоним, под которым действовали великий князь Ярослав Всеволодович и его сын великий князь Александр Невский [3, с. 144].

Но этого мало. А.А. Бушков создает далее новое естествознание, как и в рассказе Борхеса. Критике подвергается дарвинизм, учёные-эволюционисты обвиняются в сговоре, подтасовке фактов, под сомнение ставится их психическая нормальность. А.А. Бушков объявляет заведомо ложными реконструкции строения тела предков людей на том основании, что в руках учёных нет ни одного полного скелета такого существа. «Официальная наука» якобы замалчивает материальные свидетельства гораздо более раннего появления человека современного типа (утверждается, что останки человека найдены в ненарушенных геологических слоях возрастом в десятки и даже сотни миллионов лет), а «научная мафия» даже устраивает репрессии в отношении учёных, настаивавших на исследовании таких свидетельств.

Интернет предоставил простор для всяческих манипуляций с коллективным человеческим сознанием. Теперь человечеству навязывается новая космогоническая теория, проводником и популяризатором которой был американский писатель Захария Ситчин [8]. Значительное число людей стало приверженцем его лженаучных идей о палеоконтакте, инопланетном происхождении человека, поверило в планету Х (Нибиру), в исполинских «ануннаков» и т.п. Есть и другие маргинальные псевдонаучные теории о плоской Земле, полной Луне, таинственной и ужасной Антарктиде..., в которые верят уже десятки миллионов.

Пластичность человеческого сознания, легкая внушаемость, подверженность человека менять свои взгляды, идеи, принципы и убеждения – вот то, что вызывало у Х.Л. Борхеса особые опасения за будущее цивилизации. По нашему мнению, это и есть основная тема рассказа «Тлён, Укбар, Orbis Tertius».

Список литературы

1. Борхес Х.Л. Проза разных лет: Сборник/ Пер. с исп.; Составл. и предисловие И. Тертерян. – М.: Радуга, 1989.
2. Бронштэн В.А. Н. А. Морозов – предтеча творцов «новой хронологии» // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 168-173.
3. Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. - М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: «Нева»; Красноярск: «Бонус», 2000.
4. Бушков А.А., Буровский А.М. Россия, которой не было-2. Русская Атлантида: Историческое расследование. – Красноярск: Бонус; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

5. Геродот. История. В 9 кн./ Геродот; Пер. Г.А. Стратоновского. – М.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2002.

6. Морозов Н. А. Христос. История человечества в естественнонаучном освещении: тт. 1-7. – М.; Крафт+, 1998-2002.

7. Пелевин В.О. Transhumanism inc. / Виктор Пелевин – М.: Эксмо, 2023.

8. Ситчин З. Двенадцатая Планета. - М.: Изд-во Эксмо, 2005.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ: УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Денисов Д.В.

Приволжский государственный университет путей сообщения,
кафедра лингвистики, доцент

В настоящем исследовании предлагается онтологический подход для обоснования восьмиэлементной структуры литературного повествования. Цель исследования состоит во включении повествования в общие закономерности развития. В ходе анализа автор обращается к древним мифологическим моделям и современным концепциям, отражающим естественнонаучные, социокультурные и литературоведческие представления о развитии. Разрабатываемая модель включает четыре онтологических уровня, свойство верхнего из которых – пребывание и новое обретение некоего равновесного состояния, а нижний уровень – сфера максимальной интенсивности осуществляемых процессов. Разрабатываемая онтологическая модель насчитывает два применения: метрический, в рамках которого одна глава принята в качестве этапа познания, а цикл включает 8 этапов, и динамический, составляющий цикл из 24 глав. В силу этого в статье анализируются три восьмиэлементных цикла. С одной стороны, аналогичное построение каждого восьмиэлементного цикла позволяет определять тенденции, действующие на соответствующих этапах последующих циклов. С другой стороны, построение общей модели развития на примере литературного повествования открывает возможность для использования этого опыта при моделировании процессов иного рода.

Ключевые слова: моделирование, процессы самоорганизации, генезис, сюжетное развитие, текстоид, сказочный эпизод, музы, мифы творения, А.Н. Толстой, Г. Уэллс.

Традиционно вопрос о прогнозировании возникает в естествознании, в точных и социально-политических науках. Сфера творческой деятельности менее всего может быть предметом прогнозирования. В художественной литературе вопрос освоения художественного пространства рассматривается не с прогностических позиций, не в терминах построения определённых алгоритмов, а в терминах сюжетного развития. В общенаучном контексте недостаток традиционного филологического подхода в том, что сюжетное развитие выделяется в особый объект исследования, никоим образом не